

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ

ПОЛЬСКИЙ МЯТЕЖ 1863 Г. В СУДЬБАХ СТАРООБРЯДЦЕВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А.Ю. Бендин

Институт теологии Белорусского государственного университета
пр-т Независимости, 24, Минск, Республика Беларусь, 220030

Статья посвящена вопросам правового положения старообрядцев Российской Империи в середине XIX в. Сравнительный анализ российского законодательства позволяет автору сделать вывод о религиозной нетерпимости государства и господствующей Православной церкви к старообрядческому населению империи. Особое внимание уделяется положению старообрядцев Северо-Западного края, которые во время польского восстания 1863 г. выступили на стороне России. В статье рассматривается реакция администрации края на попытки старообрядцев расширить границы религиозной свободы.

Ключевые слова: Российская Империя, польское восстание 1863 г., старообрядцы, российское законодательство, северо-западный регион, свобода вероисповедания.

Польский мятеж 1863 г. в Литве и Белоруссии (Северо-Западный край) стал для населения этого региона самым серьезным испытанием на верность российской монархии. Это касалось, в первую очередь, крестьянства, так как часть местной элиты, состоявшей из польской шляхты, помещиков и католического духовенства, сделали свой политический выбор. Совместно с повстанцами Царства Польского они осуществили попытку восстановить независимость Речи Посполитой в границах 1772 г. Вооруженный мятеж, направленный на отделение Северо-Западного края от Российской Империи, проходил под знаменами католицизма. Практически все его участники были католиками, а ксендзы играли роль духовных лидеров антироссийского мятежа (1).

Однако политический вызов, сделанный единству империи, не только не получил ожидаемой поддержки «снизу», но и вызвал обратную реакцию. В подавлении шляхетско-помещичьей попытки вооруженной сепаратистской войны приняли участие не только армейские подразделения, но и местное православ-

ное крестьянство (2). Тем самым белорусские крестьяне, освобожденные русским царем от власти польских помещиков, выказали благодарность монархии за дарованную им личную свободу. Стимулом для практического выражения их преданности России стала социальная и религиозно-этническая неприязнь к бывшим владельцам крепостных душ, которые считали зависимое от них крестьянство «хлопами» и «быдлом», а православную веру – «верой хлопской, собачьей» и «схизматической» (3).

В подавлении польского мятежа в Северо-Западном крае активное участие приняли и старообрядцы-великороссы, принадлежавшие, в основном, к беспоповцам. Они начали селиться здесь еще в начале XVIII в., когда эти территории принадлежали Речи Посполитой. Причиной появления старообрядческой колонизации на землях польского государства стали религиозные гонения, которые устраивало российское правительство в этот период (4).

Если в поведении православных крестьян доминировали мотивы мщениия, которые испытывали бывшие рабы к своим панам-угнетателям, чуждым для них культурно, религиозно и этнически, то в отношении старообрядцев подобная мотивация не была актуальной. Это были люди лично свободные, принадлежавшие к сословиям государственных крестьян, мещан и купцов, которые вели себя независимо в отношении к местным польским помещикам и экономически влиятельному еврейству.

Но главное обстоятельство заключалось в том, что в кровавых событиях 1863 г. у старообрядцев были весомые основания поддержать не правительство, а польско-католическую шляхту, выступившую за отделение Северо-Западного края и присоединение его к независимой Польше. То положение, в котором оказались старообрядцы в Российской Империи, скорее объединяло их с польскими сепаратистами, нежели разъединяло и делало врагами.

Объединяющим фактором могло служить по-разному мотивированное, но общее негативное отношение к православной вере. Для старообрядцев-беспоповцев, как отмечал И. Липранди: «Православная церковь есть *змийное* или *мурашное гнездо* и *истое сатанино* или *бесов его прескверное дверще*» (5).

Российское государство было главным политическим врагом польской независимости. Что же касается старообрядцев-великороссов, то и у них были веские причины видеть в государстве и Православной церкви главных врагов их гражданской и религиозной свободы.

Вступление в 1855 г. на престол императора Александра II застало старообрядцев Российской Империи в наиболее сложный период их существования. Тяжесть ситуации, в которой оказались старообрядцы, была вызвана предыдущей репрессивной политикой правительства Николая I. Меры, которые длительное время применяла николаевская администрация, были направлены на «полное уничтожение раскола» (6).

Для уяснения того, что значила с точки зрения российского права религиозная нетерпимость в отношении к старообрядцам, следует рассмотреть

совокупность норм, регулировавших религиозные отношения в Российской Империи в середине XIX в. (7).

Согласно религиозному законодательству система вероисповедных отношений в Российской Империи строилась на принципах веротерпимости (8). Основные государственные законы Российской Империи утверждали «свободу веры» для всех народов, проживавших на ее территории (9).

Критерием терпимости конфессий и религиозных общин со стороны государства служило наделение их статусом юридического лица. Все признаваемые законом религиозные организации империи, включая, разумеется, и Римско-католическую церковь, получали статус «терпимых». Все они были равны перед российским законом, но различались между собой по объему прав и привилегий. Правовой институт веротерпимости являлся базовым по отношению к правовому статусу его объектов – неправославных конфессий и общин, христианских и нехристианских. «Правила веротерпимости» устанавливали границы религиозной свободы для деятельности «терпимых» религиозных организаций, а также нормы взаимоотношений между ними, Православной церковью и государством (10).

Конфессиональная политика империи, осуществляемая в рамках института веротерпимости, была неразрывно связана с защитой прав и интересов Православной церкви.

Власть охраняла церковь от расколов и посягательств на ее паству со стороны легальных и нелегальных конкурентов. Государство в этой ситуации выступало в качестве *непосредственного субъекта* веротерпимости, определявшего правовые нормы функционирования этого института, политические решения и бюрократические методы управления религиозными организациями. В качестве *опосредованного субъекта* веротерпимости выступала Православная церковь.

Исключительный правовой статус русского православия в иерархии религиозных институтов империи наделял эту государственную церковь положением *«первенствующей и господствующей»* (11). В силу своего особого статуса церковь обладала широким спектром возможностей, правовых и административных, для защиты своих интересов с помощью правительства и местной администрации.

Иерархия «терпимых» религиозных организаций выстраивалась в зависимости от исторических и политических факторов, включавших догматические и канонические аспекты, в частности, близость к вероучению Православной церкви (12). В связи с указанными критериями иерархия веротерпимости выглядела следующим образом.

На вершине пирамиды стояла Православная церковь, обладавшая привилегиями исключительного характера. За ней следовали покровительствуемые российским императором Лютеранская и Реформатская церкви, община гернгутеров, Армяно-грегорианская, Армяно-католическая и Римско-католическая церкви. Ниже этих «иностранных» христианских конфессий и

общин по объему привилегий стояли общины евреев-караимов, мусульман – суннитов и шиитов; еще менее привилегированной была община евреев-талмудистов; наконец, последней из привилегированных общин были ламаисты – калмыки и буряты... Признанными, но лишенными привилегий были шотландские и базельские сектанты, менонниты и баптисты Закавказья, сибирские шаманисты и самоеды-язычники (13).

Легитимность религий, которые были традиционны для многочисленных народов, присоединенных к России, свидетельствовала о том, что государство законодательно признавало те религиозные различия, которые возникали в российском обществе по мере роста имперского пространства.

Российская монархия, наделив неправославные конфессии и религиозные общины правовым статусом «терпимых», взяла тем самым на себя обязательство соблюдения гражданских прав своих подданных, никогда не принадлежавших к православию. Они являлись, согласно общему правилу, полноправными гражданами России (14).

В принципиально ином положении, нежели «терпимые» российской монархией «иностранные» вероисповедания и секты, оказались религиозные общины старообрядцев-великороссов. Законодательство о «расколе», как правовая основа репрессивной политики николаевского правительства, ставило общины старообрядцев в положение, которое с правовой точки зрения можно определить как религиозную нетерпимость или дискриминацию. Уже с начала 20-х гг. XIX в. правительство вступило на путь ограничений и частных запрещений «публичных проявлений раскола» (15). Затем последовали меры, которые законодательным образом ограничивали гражданские и религиозные права старообрядцев, полученные ими во времена правления Екатерины II и Александра I (16).

Дискриминационные меры в области гражданских прав относились к такой области, как выдача паспортов на отлучки внутри империи, производство торговли и промыслов, вступление в иконописные цехи и занятие общественных должностей. Как отмечал известный исследователь Н.И. Ивановский, указанные «ограничения имели характер прямых стеснений, были карой за сектантство. При осуществлении их страдало много невинных людей, и сверх того наносился вред экономическому развитию страны» (17).

В области ограничения религиозных прав старообрядцев наиболее «стеснительными» были меры относительно общественного богослужения.

Старообрядцам было запрещено строительство новых церквей и ремонт старых. Легальными считались лишь те церкви, которые были построены до 1826 г. С действовавших церквей снимались кресты и запрещался колокольный звон как «публичное оказательство раскола». Духовенство и монашество старообрядцев не признавалось законом в качестве особого сословия (18).

По отношению к старообрядцам николаевское законодательство разрешало лишь *внутреннюю* «свободу веры», проявления которой были возможны в стенах частного дома. Законы Российской Империи признавали право

верить только за старообрядцами «*по рождению*» (т.е. не перешедшими из православия). Однако законы не признавали право этих старообрядцев исповедовать свою веру *публичным* порядком. Общественное богослужение разрешалось в церковных зданиях, без проявления веры вне стен этих зданий (19). Следовательно, речь шла только о свободе богослужений в весьма узком ее понимании. Реальным правовым выражением нетерпимости стало лишение религиозных общин старообрядцев статуса юридического лица (20).

Принятие столь жестких дискриминационных мер по отношению к значительной части коренного великорусского населения ставило его в религиозно-правовом отношении ниже нехристианских религиозных общин мусульман, иудеев, ламаистов и язычников (21).

В то время как представители «иностранных» конфессий и общин пользовались правом свободно исповедовать свою веру в частном порядке и публично, религиозные и гражданские права старообрядцев были сужены до дискриминационного минимума.

Таким образом, правовые нормы, принятые во времена правления Николая I, вывели религиозные общины старообрядцев-великороссов за пределы правового института веротерпимости.

«После сего, – отмечал исследователь раскола П.И. Мельников, – можно ли не признать истинного достоинства в многострадальном терпении русских людей, которое видно в наших раскольниках. Будь это на Западе, давно бы лились потоки крови, как лились они во времена Реформации, Тридцатилетней войны, религиозных войн в Англии и пр. Сравнивая положение протестантов перед началом религиозных войн с современным положением раскольников, нельзя не согласиться, что последние стеснены несравненно более, чем были стеснены первые» (22).

Правительственная нетерпимость по отношению к «расколу» в форме ограничительных законов, целенаправленно действующих против многочисленной группы коренного великорусского населения, была продиктована причинами религиозного и политического характера.

В основе этой нетерпимости к «своим» лежал традиционный союз Православной церкви и монархического государства. По отношению к лицам, отпавшим от православия, светское законодательство империи придерживалось норм канонического права «господствующей» церкви. По словам Н. Суворова, церковь «смотрит на всякое отделение от нее как на преступное нарушение ее порядка». В свою очередь, и «государство не допускает образования раскольнических и еретических сект в смысле признанных религиозных обществ» (23).

«Раскольники», включая и сектантов, которые согласно православному вероучению подпадали под категорию «еретиков», рассматривались правительством в качестве «церковных мятежников», вышедших из повиновения архиереям русской церкви. А это влекло за собой выводы о политической неблагонадежности русского «раскола».

Согласно воззрениям той эпохи, гарантией политической лояльности русского народа своему монарху является единство паствы «господствующей» церкви. «Нынче почти уже стало аксиомой, что Церковь православная служит несокрушимейшим оплотом государства, что верность Церкви есть надежнейшее ручательство и верности государству, кто восстает против Церкви, тот восстает и против государства» (24).

Что же касается «раскольников», и в частности старообрядцев-беспоповцев, то эти религиозные общины русского населения Святейший Синод в 1842 г. отнес, на основании канонического права, к категории «вреднейших». Критерием для подобной оценки явилось утверждение церковной иерархии, что они отвергают «брак и молитву за царя». Синод утверждал, что беспоповцы, в частности федосеевцы, всякую власть считают «антихристовой» (25). На этом основании беспоповцы воспринимались правительством не только как «церковные мятежники», но и как сила, враждебная государству. Такого же мнения о «расколе» был и влиятельный митрополит Московский Филарет (26).

С.С. Ланской, министр внутренних дел в правительстве Александра II, внес известные коррективы в политику по отношению к «расколу». В 1858 г. император утвердил разработанное в МВД «Наставление для руководства при исполнительных действиях и совещаниях по делам раскольников». Принятый нормативный акт подтвердил принципиальное положение ст. 60 Устава о предупреждении и пресечении преступлений о недопустимости гонений за веру. Вместе с тем старообрядцам по-прежнему «строго воспрещалось распространять свои заблуждения», а также «публичное оказательство раскола, соблазнительного для православных».

Согласно новым правилам, основная тяжесть борьбы с «расколом» возлагалась на церковь, а государство должно было следить за соблюдением законов, которые ограждали православных от «соблазнов» и «сворачиваний». Наставление, сохраняя всю силу карательного николаевского законодательства, разграничивало функции государства и церкви в достижении «одной главной цели», ведущей «к искоренению в народе раскольнических заблуждений» (27).

В правовом отношении великорусский «раскол» занимал одинаковое положение на всем пространстве Российской Империи. Однако наряду с общим правовым сходством в положении религиозных общин существовали и значительные различия, вызванные региональными особенностями проживания старообрядцев. Например, малочисленные старообрядцы, жившие в Северо-Западном крае, в губерниях Ковенской, Виленской и Витебской, находились в окружении преобладающего иноэтничного (литовского, польского, латышского) католического населения. В Могилевской и Минской губерниях старообрядцы – поповцы и беспоповцы проживали среди доминирующих численно православных белорусов.

В Виленской и Ковенской губерниях, входивших в состав Литовской православной епархии, в конце 50-х гг. XIX в. насчитывалось свыше 28 000 старо-

обрядцев, принадлежавших, в основном, к беспоповцам – федосеевского, поморского и филипповского согласий.

В Ковенской губернии, населенной литовцами-католиками, количество старообрядцев почти в два раза превышало число православных (14 773 и 8754) (28).

В Витебской губернии, по официальным сведениям, собранным в 1862 г., насчитывалось 37 416 старообрядцев (29).

В связи с указанными обстоятельствами отношение к «раскольникам» со стороны местной православной иерархии имело свои особенности в сравнении с ситуацией в великорусских губерниях. Митрополит Литовский Иосиф (Семашко) в письме к обер-прокурору Святейшего Синода писал, что он находит действия против «раскольников» в Северо-Западном крае «совершенно неуместными, и что он желает, чтобы православное духовенство по отношению к ним поступало так, чтобы они священников православных среди римско-католического населения считали друзьями, а не чуждыми врагами» (30).

Отсутствие необходимости в миссионерском воздействии на старообрядцев прагматичный митрополит подкреплял аргументами политического характера. Напоминая обер-прокурору о неизжитых последствиях польского восстания 1830–1831 гг., митрополит Иосиф отмечал: «В этих губерниях только 30 000 раскольников обоего пола, тогда как здесь для правительства и для Церкви есть слишком много элементов для борьбы, чтобы отвлекать силы и внимание их горстью населения, все же русского и, наверное, России более сродного, нежели прочее иноверное и инородное население» (31).

Благодаря взвешенной позиции, занятой митрополитом Иосифом, в Виленской и Ковенской губерниях старообрядцы существовали «так привольно, как нигде, и возбуждали к себе зависть со стороны раскольников, живших в других местностях России и даже в соседнем Прибалтийском крае» (32).

Однако вся эта пресловутая «привольность», позволявшая старообрядцам сохранять узкое пространство свободы богослужений, была обусловлена преобладающим влиянием польского католицизма, слабостью местной администрации и малочисленностью православного духовенства и населения.

В гораздо более худшем положении оказались старообрядцы Витебской губернии. Испытав на себе тяжесть религиозных гонений в николаевскую эпоху, старообрядцы этой, считавшейся русской, губернии, не обрели спокойствие и в первые годы правления Александра II.

Архиепископ Полоцкий Василий (Лужинский) неоднократно обращал внимание Святейшего Синода на «особенно враждебное... направление раскольников Витебской губернии». Отмечаемые архиепископом Василием «злонамеренные и враждебные действия» старообрядцев заключались в том, что они всеми мерами старались уклониться от исполнения правовых норм дискриминационного российского законодательства, пользуясь «покровительством», которое, по его словам, «прямо оказывали раскольникам вла-

дельцы земель, преимущественно римские католики или лютеране, а косвенно местные полицейские и другие власти».

На основании донесений этого ревностного архипастыря Святейший Синод 30 октября 1856 г. принял указ «О мерах к ослаблению и уничтожению раскола в Витебской губернии», который предусматривал усиление миссионерской и пастырской активности православного духовенства среди старообрядцев и единоверцев.

О решении Синода был поставлен в известность министр внутренних дел С.С. Ланской с целью «принятия по гражданскому ведомству мер к удержанию сектаторов в границах законного порядка и к прекращению происходящего от действий их и других лиц вреда для Православной церкви» (33).

Однако совместные усилия духовного и гражданского ведомств не принесли желаемого успеха. Буквально накануне событий 1863 г. архиепископ Василий вновь жаловался в Святейший Синод, что старообрядцы Витебской губернии выказывают неповиновение российским законам о привилегиях «господствующей» церкви.

Пользуясь тем, что внимание администрации было отвлечено начавшимися выступлениями поляков, старообрядцы начали самовольно строить свои церкви в Динабургском уезде, а некоторые единоверцы начали вновь возвращаться в «раскол». Архиепископ просил обер-прокурора Синода, чтобы губернская администрация начала расследование об «отпадении в раскол» единоверцев в Полоцке и бывших военных поселенцев в Динабургском уезде.

В этой непростой ситуации витебский губернатор А.С. Оголин в конце марта 1863 г. вынужден был объяснять министру внутренних дел П.А. Валуеву, что «раскольнические дела здешней губернии представляют вообще вопрос трудный и сложный. Из донесений и переписки с министерством видно, что присоединение раскольников к единоверию и православию во многих случаях сопровождалось принуждением и насилием... С одной стороны, неудобно поднимать такие дела и разоблачать это формальным следствием, а с другой, нельзя оставить в расколе «совратившихся», так как это было бы противно закону и Православной церкви» (34).

Пока духовное и светское начальство размышляло о том, как следует поступить с непокорными старообрядцами, в губернии начались вооруженные выступления поляков.

13 апреля 1863 г. отряд сепаратистов под предводительством графа Л. Плятера численностью в 50 чел. напал на воинский транспорт с оружием, шедший из Динабургской крепости в Дриссу. Нападавшие застрелили трех солдат и, захватив оружие, попытались уйти в Литву.

Между тем до старообрядцев, селения которых располагались по пути следования мятежников, дошли слухи о нападении поляков на транспорт. Реакция их была незамедлительной. Вооружившись дубинами и кольями, старообрядцы в течение дня дважды нападали на отряд графа Плятера и, в конечном итоге, от-

били у них повозки с оружием, а самих захватили в плен. Пленных привели на станцию Дубна, откуда они были отправлены в Динабургскую крепость (35).

На следующий день толпа старообрядцев направилась громить имения польских помещиков, которых подозревали в поддержке мятежников. Командант Динабургской крепости спешно телеграфировал в Петербург: «Раскольники сел Межвиды и Малиновки более 1000 чел., двинулись массами на помещичьи дворы, грабят, жгут» (36).

Примеру старообрядцев последовали остальные крестьяне – белорусы и латыши, которые стали ловить мятежников, собиравшихся в Ликсненских и Бересневских лесах. Одновременно последовали многочисленные поджоги и грабежи имений польских дворян в качестве мести за нападение на военный транспорт и убийство русских солдат. Владельцев имений, которые представлялись крестьянам пособниками и участниками восстания, связанных по рукам и ногам, доставляли в Динабургскую крепость.

Крестьянские погромы, направленные против польских помещиков, подозреваемых в сочувствии к мятежу, перебросились и на Режицкий уезд той же губернии (37). Только вмешательство властей смогло остановить этот старообрядческий и крестьянский самосуд, начатый «снизу» в защиту единства империи. Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев, в отличие от некоторых представителей правительственных «верхов», события в Динабургском и Режицком уездах Витебской губернии однозначно трактовал как исполнение русскими крестьянами своего верноподданнического долга, а не грабежи и разбой пьяных мужиков (38).

Правоту генерал-губернатора подтвердили дальнейшие события. В мае 1863 г. старообрядцы указанных уездов обратились к М.Н. Муравьеву с просьбой сформировать из них сотню конной милиции для борьбы с мятежными поляками. Все расходы по организации и снабжению своей сотни старообрядцы были готовы взять на себя.

М.Н. Муравьев, испытывавший нехватку казаков для патрулирования местности, охотно принял их предложение. К началу июня сотня старообрядцев, вооруженная и снабженная из ресурсов Динабургской крепости, во главе с казачьим офицером приступила к несению службы в Витебской губернии (39).

Стремясь привлечь старообрядцев и законопослушных крестьян к борьбе с восстанием, 24 апреля 1863 г. Александр II утвердил правила для оборудования в Западных губерниях сельских вооруженных караулов из местных крестьян. М.Н. Муравьев 24 мая в специальной инструкции для военных начальников уездов распорядился приступить к образованию сельских караулов.

В Ковенской губернии, которая стала эпицентром вооруженных антиправительственных выступлений на территории Северо-Западного края, добровольное согласие учреждать караулы выразили только старообрядцы-великороссы Поневежского и Ковенского уездов (40). Более 600 старооб-

рядцев явились к представителям администрации с просьбой о выдаче оружия. Им было выдано около 300 ружей, и вскоре 23 мятежника были арестованы и доставлены властям (41).

В это сложное для государства время свою верность российской монархии выказали ведущие центры старообрядчества, находящиеся на Рогожском и Преображенском кладбище в Москве. В частности, старообрядцы-федосеевцы обратились с верноподданническим адресом к Александру II, заявляя о своей поддержке в борьбе с польским восстанием.

«Этот задушевный, искренний, истинно русский голос федосеевцев, – писал П.И. Мельников, – раздался из Москвы в то самое время, когда их единоверцы в западных губерниях, добровольно вооружившись против польских мятежников, проливали кровь свою за целостность и единство русского государства» (42).

Слова о пролитой крови и понесенных жертвах не были риторической фразой. Для того чтобы запугать жителей края и пресечь действия крестьян в защиту правительства, в тактику восстания был введен террор против мирного населения. В отрядах мятежников были учреждены должности палачей, так называемых «жандармов-вешателей», которые казнили лиц, заподозренных в сочувствии России. Руками этих «вешателей» было казнено около 600 чел. из числа мирных граждан, чиновников, православных священников, крестьян и мещан (43).

По словам очевидца событий А.Н. Мосолова, «осенью 1863 г., когда террор в крае был в сильнейшем развитии, жертвами его в Ковенской губернии были преимущественно старообрядцы, жившие в отдельных фольварках, отдаленных один от другого. В одну ночь в окрестности Ибяны, недалеко от Ковно, их было повешено мятежниками, при жестоких истязаниях, одиннадцать человек. Это не прошло даром мятежникам. Виновные в этом страшном злодеянии подвергнуты примерному наказанию. Все жители окрестности Ибяны, как явные участники преступления, были выселены в Сибирь» (44).

Российская славянофильская и патриотическая печать сочувственно отозвалась о жертвах, понесенных старообрядцами в борьбе с польским восстанием. Вот как об этом писала газета И. Аксакова «День»: «Заброшенные на чужбину, среди чужого им жмудского племени... – эти люди сохранили свою русскую народность и свою ненависть ко всему враждебному этой народности. Они старообрядцы, враги господствующей церкви, – от них ждали участия себе «паны из лясу», – и оказалось, что они такая же *Москва*, да еще и похуже *Москвы* в своей ненависти к латинству. Вечная память вам, страдальцы! Вы погибли за то, что не изменили Русской земле, и Русская земля вас не забудет!» (45).

Не только патриотически настроенное общественное мнение видело в старообрядцах людей, непоколебимо верных российской монархии. В их преданности престолу был уверен выдающийся реформатор Северо-Западного края генерал-губернатор М.Н. Муравьев. В своем отчете Алек-

сандру П Муравьев прямо заявлял, что «одно только сельское население и старообрядцы того края, столь усердно содействовавшие к потушению мятежа, преданы вашему императорскому величеству; так называемая же шляхта, паны и ксендзы были и будут всегдашними нашими врагами» (46).

Верность и мужество, проявленные старообрядцами в момент, решающий для судеб империи, вдохнули в них наивную уверенность, что православная иерархия и администрация Северо-Западного края снисходительно отнесутся к их самовольным действиям по улучшению условий религиозной жизни.

Старообрядцы-беспоповцы Витебской губернии в период, предшествовавший восстанию, и во время восстания, испытывая острую нехватку храмов, незаконно построили более двух десятков церквей. Эти церкви, в соответствии с запретом «публичного оказательства раскола», по внешнему виду не отличались от деревенских изб, не имели наружных икон, крестов и колоколов (47).

Но как только об этом узнала местная администрация и архиепископ Василий, о верности и жертвах старообрядцев было благополучно забыто. Витебский губернатор В.Н. Веревкин повел решительную борьбу против попыток старообрядцев выйти за узкие границы дозволенного законом общественного богослужения. О противоправных действиях старообрядцев были поставлены в известность Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев, министр внутренних дел П.А. Валуев и Святейший Синод (48).

В.Н. Веревкин, активно поддерживаемый архиепископом Василием, убеждал генерал-губернатора Муравьева в необходимости проведения «особенно твердых административных мер для обуздания раскольников... после заявленного ими сочувствия в пользу законного правительства во время прошлого мятежа».

Действительно, у губернатора были основания испытывать недовольство вчерашними союзниками в борьбе с польскими сепаратистами. В губернии, помимо незаконного строительства и ремонта старообрядческих церквей, продолжались отпадения от православия. Более 4 тыс. чел., бывших старообрядцев, совершили массовое правонарушение. Они покинули Православную церковь, к которой были присоединены принудительно, и вернулись в «раскол». Все это, по мнению В.Н. Веревкина, вредило «интересам господствующей церкви» (49).

Администрация пришла к выводу, что мятеж в крае подавлен окончательно и время для восстановления в силе николаевского законодательства о «расколе» уже настало. Поэтому М.Н. Муравьев в июне 1864 г. приказал объявить старообрядцам Динабургского уезда, что «существующие о них законоположения остаются в полной силе, и виновные в нарушении сих законов лица должны быть подвергнуты в полной мере суду и ответственности по тем же законам» (50).

По распоряжению М.Н. Муравьева администрация Динабургского уезда в мае 1865 г. приступила к закрытию пяти «самовольно» открытых старообрядческих храмов в Малиновском обществе, члены которого первыми выступили на борьбу с мятежом. Однако полиция, которая попыталась опечатать храмы, наткнулась на массовое сопротивление. Сотни старообрядцев «с шумом и яростью» не допустили представителей администрации наложить печати на «свой дом Божий».

Полиция в бессилии вынуждена была отступить. Тогда к делу закрытия храмов был привлечен военный начальник уезда, и старообрядцы смирились перед силой власти. Ведь в губернии все еще действовало военное положение, и виновные в неповиновении властям, на основании указа Сената от 9 августа 1861 г., подлежали военному суду. Организатор сопротивления крестьянин Фрол Михайлов был арестован и посажен в тюрьму (51).

Новый генерал-губернатор К.П. фон Кауфман приказал объявить старообрядцам, что «на будущее время за всякое непослушание, оказанное ими полицейской власти, виновные не только будут судимы по всей строгости законов, но и все общество за беспорядки будет подвергнуто денежной контрибуции» (52).

За «незаконное устройство молелен и распространение раскола» были арестованы еще 9 старообрядцев и заключены в тюрьму на разные сроки. Губернское начальство, опасаясь, что волнения старообрядцев перебросятся и на другие уезды, приказало казакам 13 Донского полка наблюдать за порядком на границах Динабургского уезда (53).

Вслед за Динабургским уездом администрация приступила к закрытию незаконно построенных старообрядческих храмов и в других уездах Витебской губернии. Результаты были впечатляющими. До конца 1865 г. были закрыты: в Полоцком уезде из 3 существовавших храмов – 1; в Невельском уезде из 3 существовавших храмов – 2; в Динабургском уезде из 14 действовавших храмов – 10; в Режицком уезде из 20 действовавших храмов – 15 (54). Законность восторжествовала, и все вернулось на круги своя. У старообрядцев остались только те немногие храмы, которые были построены до 1826 г.

Не было послабления и тем, кто покинул «господствующую» церковь. По указанию М.Н. Муравьева началось судебное расследование по делу 87 православных крестьян того же Малиновского общества, обвиняемых в «сворачивании в раскол» (55).

Однако уездные суды и судебные следователи, заваленные в это время делами, которые были связаны с политическими преступлениями, вынуждены были откладывать расследования о проступках старообрядцев на отдаленные сроки. В результате противоправные переходы, официально именуемые «сворачиванием из православия в раскол», по-прежнему продолжались (56).

Местная администрация и православное духовенство оказались не в состоянии справиться с этой старообрядческой вольницей. Тогда Виленский

генерал-губернатор К.П. фон Кауфман в марте 1866 г., пользуясь условиями военного положения, приказал продолжить применение мер по утверждению коллективной ответственности за противоправные действия. Фон Кауфман приказал витебскому губернатору В.Н. Веревкину в случаях «совращения» из православия в «раскол» накладывать денежные штрафы на то общество, «которое приняло в свою среду совращенных» (57).

Зажатым в административно-правовые тиски нетерпимости старообрядцам оставалось только униженно молить администраторов различного уровня снизить к религиозным нуждам «истинных сынов Отечества» и открыть запечатанные церкви. Вот, например, как просили фон Кауфмана старообрядцы г. Режица: «Не смеем просить о дозволении открыто исполнять наши обряды, как это исполняют иноверцы, но, по крайней мере, слезно умоляем дозволить открыть запечатанный молитвенный дом». Однако, с точки зрения права, проступки старообрядцев (самовольное строительство храмов) нарушали требования ст. 62 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, поэтому их прошения отклонялись (58).

Впрочем, правительство нельзя упрекнуть в черной неблагодарности. Некие мизерные уступки «раскольникам» в рамках того же законодательства все же были сделаны. Так, император 9 сентября 1863 г. повелел: «Во внимание к настоящим политическим событиям и тому участию, которое принимало в них раскольническое население западных губерний, дозволить запечатанную моленную в деревне Кубличизна распечатать, не придавая этому вида правительственной меры» (59). Эта высочайшая милость была оказана старообрядцам Виленской губернии. Старообрядцам же Витебской губернии в силу тех же «политических событий» в августе 1865 г. император великодушно разрешил починить моленную в деревне Яковлево Себежского уезда (60).

1863 г. со всей очевидностью показал политическую нецелесообразность сохранения дискриминационного законодательства о старообрядцах. Действительно, Римско-католическая церковь в Российской Империи, несмотря на то, что часть ее иерархии, духовенства и мирян выступили в качестве открытых политических врагов государства, по-прежнему сохраняла правовой статус «терпимой». В тоже время старообрядцы-великороссы, на деле, кровью и жертвами доказавшие свою преданность монархии, в религиозно-правовом отношении оставались нетерпимыми. Это вопиющее противоречие требовало политического и правового разрешения.

Уроки, вынесенные из событий польского восстания, не в последнюю очередь повлияли на то, что в феврале 1864 г. по инициативе министра внутренних дел П.А. Валуева был учрежден Особый временный комитет по делам раскольников. Руководителем комитета стал министр юстиции граф В.Н. Панин (61). Тем самым было положено начало долгому процессу возвращения старообрядцам гражданских и религиозных прав, т.е. обретения правового статуса «терпимых», которым уже давно пользовались «иностранные и иноверные» конфессии и секты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Зайцев В. М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. – М., 1973. – С. 114; Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // *Русская старина*. – 1902. – № 6. – С. 490–452.
- (2) *Мосолов А.Н.* Виленские очерки 1863–1864 гг. (Муравьевское время). – СПб., 1898. – С. 8; Граф М.Н. Муравьев. Записки о мятеже в Северо-Западном крае 1863 г. // *Русская старина*. – 1882. – № 11. – С. 422–423; *Дневник П.А. Валуева*, министра внутренних дел: В 2 т. – М., 1961. – Т. 1: 1861–1864. – С. 221; *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. – М., 2005. – С. 78–81.
- (3) Сборник статей разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. – Вып. 2 / Сост. и изд. С. Шолкович. – Вильна, 1887. – С. 277–278.
- (4) *Лилеев М.И.* Из истории раскола на Ветке и Стародубье XVII–XVIII вв. – Киев, 1895. – Вып. 1. – С. 206–215.
- (5) Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект, как в религиозном, так и в политическом их значении / Сост. Липранди (1853 г.). – Лейпциг, 1883. – С. 57.
- (6) Расколом называется отделение от законной иерархической власти при сохранении всех существенных обрядов и тем более догматов веры. См: *Суворов Н.* Учебник церковного права. – 2-е изд. – М., 1902. – С. 522; *Смолич И.К.* История Русской церкви. 1700–1917. – М., 1997. – Ч. 2. – С. 147.
- (7) Нетерпимость. Невозможность терпеть, позволять, сносить долее что, кого; свойство нетерпимого // *Свойство и действия нетерпящего, преследующего; особенно о делах веры, об исповедании.* См: *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1995. – Т. 2: И–О. – С. 539.
- (8) Веротерпимость – свобода иноверцам исповедовать веру свою. Веротерпимое государство – государство, не стесняющее иноверцев в отправлении обрядов. См.: *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1995. – Т. 1: А–З. – С. 333.
- (9) Свод законов Российской Империи. – Т. 1. – Ч. 1. Основные государственные законы. – Ст. 44–45. – СПб., 1857.
- (10) *Бендин А.Ю.* Эволюция понятия веротерпимости и Указ 17 апреля 1905 г. // *Исторические записки*. – 2006. – Вып. 9(127). – С. 113–136.
- (11) Ст. 40. «Основных законов Российской Империи» гласила, что «первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания». См.: Свод законов Российской Империи. Основные государственные законы. – СПб., 1857. – Т. 1. – Ч. 1.
- (12) *Рейснер М.А.* Государство и верующая личность: Сб. ст. – СПб., 1905. – С. 159.
- (13) РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 7. – Л. 127а–128; *Русская Православная церковь и право: комментарий / Отв. ред. М.В. Ильичев.* – М., 1999. – С. 30; Свод законов Российской Империи. – СПб., 1857. – Т. XI. – Ч. 1: Уставы духовных дел иностранных исповеданий.
- (14) *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. – 3-е изд., перераб. – СПб., 1899. – Т. 1. – С. 495–496; *Градовский А.Д.* Собр. соч. – СПб., 1901. – Т. 7. – С. 337.
- (15) Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 295. – Оп. 1. – Д. 226. – Л. 8–9, 24.
- (16) Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым / Сост. В. Кельсиев. – Л., 1860. – Вып. 1. – С. 185–187; *Смирнов П.С.* История русского раскола старообрядства. – 2-е изд. – СПб., 1895. – С. 217–221.

- (17) *Ивановский Н.И.* По поводу новых законов относительно раскольников // Православный собеседник. – 1883. – № 9. – С. 29.
- (18) *Смирнов П.С.* История русского раскола старообрядства. – С. 221–223.
- (19) Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской Империи. – СПб., 1842. – Т. 14. – Ст. 60.
- (20) «Государственный закон не признает раскольников в качестве отдельного вероисповедания, как не имеющих законного духовного начальства, а только впадшими в заблуждение и непослушание Православной церкви, к которой от предков принадлежали». См: Собр. постановлений по части раскола. – СПб., 1858. – С. 684. «Под именем раскольников разумеется ряд сект, отлучившихся в свое время от Православия, не признаваемых государством и отчасти нетерпимых». См.: *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права // *Градовский А.Д.* Собр. соч. – СПб., 1901. – Т. 7. – С. 338.
- (21) Реформы веротерпимости на пороге XX века и состояние государственной Церкви России / Сост. Г.М. Калинин. – Н. Новгород, 1905. – С. 11.
- (22) Извлечения из распоряжений по делам о раскольниках при императорах Николае и Александре II, пополненные запиской Мельникова. – Лейпциг, 1882. – С. 84.
- (23) *Суворов Н.* Учебник церковного права. – С. 522.
- (24) *Добротин Г.П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. – Киев, 1896. – С. 89–90.
- (25) *Блосфельд Г.* Положение иноверцев и раскольников согласно своду законов // Журнал министерства юстиции. – 1905. – № 3. – С. 199; Свод действующих постановлений о раскольниках. – Б/м., б/г. – С. 97.
- (26) РГИА. – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 1. – Л. 7; *Смолич И.К.* История Русской церкви. 1700–1917. – Ч. 2. – М., 1997. – С. 431.
- (27) Собрание постановлений по части раскола. – СПб., 1858. – С. 832.
- (28) *Вескинский А.* Раскол в Западно-Русском крае // Православное обозрение. – 1865. – № 3. – С. 278, 281.
- (29) *В-ъ. В.* Сведения о раскольниках Витебской губернии // Вестник Западной России. – 1865. – № 2. – С. 127.
- (30) *Извеков Н.Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839 по 1889 г. – М., 1889. – С. 334.
- (31) Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорской Академией Наук по завещанию автора. – СПб., 1883. – Т. II. – С. 577–579.
- (32) *Извеков Н.Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839 по 1889 г. – М., 1889. – С. 335.
- (33) Собр. постановлений по части раскола. – СПб., 1858. – С. 689–690.
- (34) НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 31375. – Л. 1–5.
- (35) *Брежго Б.Р.* Очерки истории крестьянских движений в Латгалии. 1577–1907 гг. – Рига, 1956. – С. 114–115.
- (36) *Смирнов А.Ф.* Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. – М., 1963. – С. 212.
- (37) Восстание в Литве и Белоруссии. 1863–1864. – М., 1965. – С. 496–499.
- (38) *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. – М., 2005. – С. 80.
- (39) Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). – Ф. 378. – Оп. 1863. – Д. 1393. – Л. 1, 4–5, 10.
- (40) *Комзолова А.А.* Политика самодержавия... – С. 81.

- (41) Катков М. Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной летописи. – М., 1887. – Вып. 1. – С. 518.
- (42) Мельников П. И. Записка // Странник. – 1886. – № 8. – С. 544.
- (43) Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки (далее – ОР РНБ). – Ф. 629. – Д. 186. – Л. 1–55; Сидоров А.А. Польское восстание 1863 года. Исторический очерк. – СПб., 1903. – С. 228.
- (44) Мосолов А. Н. Виленские очерки. 1863–1865 гг. (Муравьевское время). – СПб., 1898. – С. 112.
- (45) День. – 1863. – 5 октября. – № 40. – С. 19.
- (46) Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. – 1902. – № 6. – С. 496.
- (47) НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 31747. – Л. 26.
- (48) Там же. – Л. 2, 41, 166.
- (49) Там же. – Д. 31678. – Л. 13, 19–21; Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 31720. – Л. 1–2.
- (50) Там же. – Д. 31747. – Л. 111.
- (51) Там же. – Д. 31974. – Л. 1–2.
- (52) Там же. – Л. 4.
- (53) Там же. – Д. 31747. – Л. 134, 150, 237–238.
- (54) Там же. – Л. 223–224.
- (55) Там же. – Д. 47. – Л. 4–7.
- (56) Там же. – Д. 31720. – Л. 1–2.
- (57) Там же. – Д. 32096. – Л. 14, 18.
- (58) Там же. – Д. 31747. – Л. 586, 179, 193, 267.
- (58) Собрание постановлений по части раскола. – СПб., 1875. – С. 599.
- (60) НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 31747. – Л. 105–106.
- (61) Ершова О.П. Старообрядчество и власть. – М., 1999. – С. 168.

POLISH REVOLT OF 1863 IN DESTINIES OF OLD BELIEVERS OF THE NORTHWEST TERRITORY OF RUSSIAN EMPIRE

A.Y. Bendin

*Institute of Theology of the Belarus State University
Nezavisimosty Ave., 24, Republic of Belarus, Minsk, 220030*

The article is devoted to the problems of a legal status of Old Believers of Russian empire in the middle of 19th century. The comparative analysis of the Russian legislation allows the author to draw a conclusion on religious intolerance of the state and «prevailing» Orthodox Church to the old belief population of empire. The special attention is paid to the position of Old Believers of Northwest Territory who during the Polish revolt in 1863 acted on the side of Russia. The reaction of the territory administration to attempts of Old Believers to expand border of religious freedom is considered in the article.

Key words: Russian Empire, Polish revolt of 1863, Old Believers, Russian legislation, Northwest Territory, religious freedom.